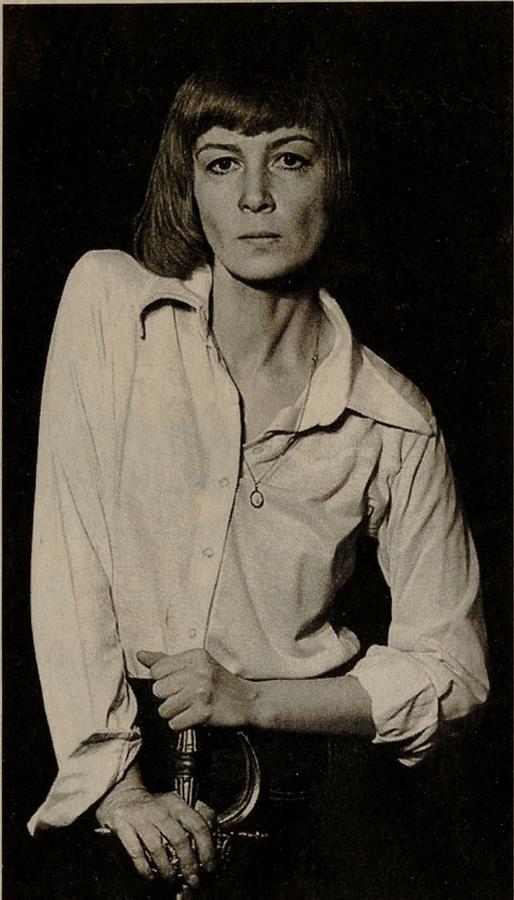

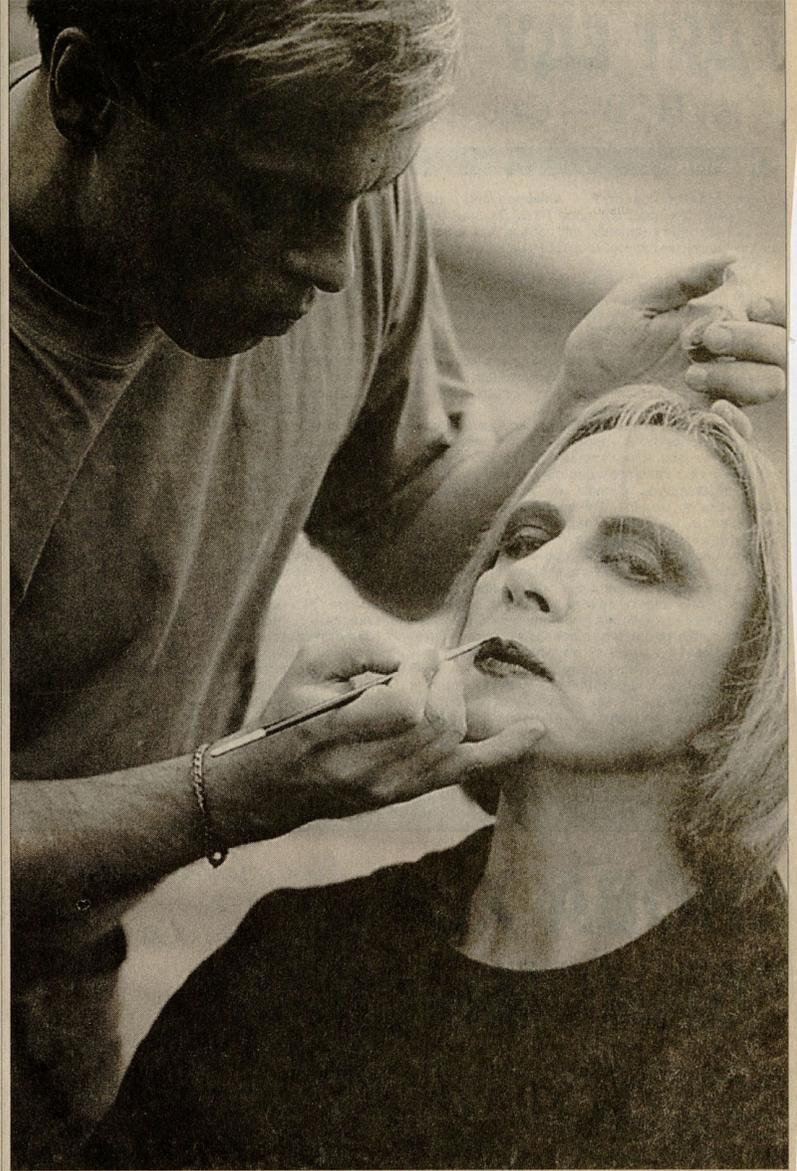
Алла Демидова отпраздновала круглую дату, в которую очень органично вписалась вся неисповедимая квадратура ее творческой судьбы и характера. В своей последней книге Алла Демидова написала: «Я заметила, что у талантливых людей сидит внутри какой-то стержень, что ли. Что бы они ни делали, чем бы ни занимались, вроде бы побочным — все, как в воронку, закручивается в их дело. Таких людей отличает еще и одержимость». Слова эти соотнесены с деятельностью Юрия Любимова. Но они в полной мере применимы к самой Алле Демидовой, испытавшей себя во многих лицевых жанрах и смежных искусствах (вспомним хотя бы тот неординарный для нашей культуры факт: она стала первой актрисой, вошедшей в состав Большого жюри книжной премии Букер!). Нам дороги ее театральные и кинороли — Федра в одноименном цветаевском спектакле, Мария Спиридонова в «Шестом июля», Раневская в «Вишневом саде». А еще были роли в «Дневных звездах», «Отце Сергии», «Служили два товарища»... А чего стоит блистательно сыгранная герцогиня Мальборо в «Стакане воды»? Накануне юбилея Аллы Демидовой нам удалось заставить ее в Москве перед новыми гастрольями и взять это интервью. Оно получилось порывистым и разбросанным в вопросах и акцентах, ведь они — эти вопросы — задавались Актрисе и Женщине, которую любят.

Еще в училище Демидовой посоветовали репетировать «Гамлета», чтобы уйти от застенчивости.

— Почему?
— А зачем? Для каких-то благ? Мне это не нужно.
— Некоторые ваши коллеги все-таки вступают.
— У них, наверное, есть такая потребность. А я человек неколлегиальный. Недаром ушла из театра и сейчас практически играю одна, даже «Гамлета».
ИЗ ДНЕВНИКОВ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
«Иногда мне кажется, что профессию я все-таки выбрала неправильно. И я не считаю, что моя жизнь удалась, что я самовыразилась. Может быть, когда в юности я была на перепутье, надо было выбрать другую дорогу. Но страх перепутья, «совковое» детство, боязнь жизни — надо было после университета начинать работать, я не была к этому готова (мое поколение вообще инфантильно — практически все начинали поздно) — заставили меня опять идти учиться. На этот раз судьба толкнула меня в Театральное училище имени Б.В. Шукшина, и дальше все пошло само собой. Дальше я уже не стояла на перепутье, я принимала жизнь, какую мне давала судьба. Или случай. Кто-то из древних мудрецов заметил: судьбы не существует — есть только непонятная случайность...»
«1980 г. 13 июля. В 217-й раз играем «Гамлета». Очень душно. И мы уже на излете сил — конец сезона, недавно прошли напряженные и ответственные для нас гастроли в Польшу. Там тоже играли «Гамлета». Володя плохо себя чувствует; выбегают со сцены, глотают лекарства... За кулисами дежурит врач «Скорой помощи». Во время спектакля Володя часто забывает слова. В нашей сцене после реплики: «Вам надо исповедаться», тихо спрашивает меня: «Как дальше? За-»

няет интуиция. Но это бывает редко. Вот, например, Смоктуновский — актер от Бога. Недаром он про себя говорил, что профессия, талант умнее его. И это правда. Ведь талант — от Бога, как можно быть умнее Бога? А моя кличка «интеллектуальная актриса» — это от ролей, которые я играла (кто-то однажды даже обозвал меня «интеллектуальной овчаркой»)»...
«Я очень люблю рассматривать старые фотографии. У меня собралось много книг и фотографий начала века. Вот царская фамилия. Фотограф снял их спины. Сильный ветер, грязь. Женщины приподняли юбки — они свисают такими тяжелыми токами, видны зашнурованные ботинки. Почему мы, изображая высший свет на сцене, всегда играем фасад? Ведь они такие же люди, как и мы, чувства с веками не меняются...»
«1997 г. Июнь... Когда идешь, например, по улице Парижа, никто ни на кого не обращает внимания, ты в толпе, но ты один. От этого не устаешь. И смотришь только на небо и на прекрасную архитектуру. В Москве же, которую очень люблю, я стараюсь не ходить по улице. Все немного рожание и постоянно друг друга осматривают. И даже не в толпе — толкаются. Почему? Я, кстати, замечала: плохие актеры на сцене всегда толкаются. Они не видят себя в пространстве и не замечают пространства между собой и партнером. От некоторых актеров «Таганки» я всегда старалась держаться подальше».

Знаменитый стилист Лев Новиков «колдует» над лицом прима.

У АЛЛЫ ДЕМИДОВОЙ НЕТ ВОПРОСОВ К АКТРИСЕ АЛЛЕ ДЕМИДОВОЙ

Потому что ответов нет в принципе

Александр Беляев

АЛЛА СЕРГЕЕВНА, все ли вы получили от жизни?
— Наверное, все. Что-то за грехи — и за свои, и своих предшественников. Что-то — за мои страдания и так далее. Жизнь есть жизнь.
— Кого у вас больше — друзей или недоброжелателей?
— Своих недоброжелателей я, честно говоря, не знаю в лицо. Я люблю, когда мне после спектакля говорят критические вещи. Но обычно этого не говорят. Легче сказать комплимент, нежели что-нибудь негативное. Так что у меня есть всего два человека, которые могут мне что-то в глаза прямо сказать.
— То есть вы признаете прямую критику «в глаза»?
— Признаю. Когда говорят комплименты, я просто их не слышу. Киваю, улыбаюсь, говорю: «Спасибо», но это — как с гуся вода. А когда мне говорят что-то критическое, даже если я с этим не согласна, оно застревает во мне. Я со всех сторон оцениваю его, а если потом соглашусь, то что-то переделаю. Если нет — стало быть, вкусы не совпали или вибрация... Не всегда публика права.
— С кем из молодых актеров вы связываете будущее нашего театра?
— Все молодые актеры, если они способны, всегда будут интересны. Потому что у них, помимо вибрации таланта, есть волнение и энергия прорыва, и талант как бы утраивается. Поэтому на молодых всегда интересно смотреть. Другое дело, состоятся они потом или не состоятся; это зависит от массы причин. В числе этих причин — судьба, случай, которым они воспользуются или не воспользуются... Случай практически представляется всем. Но один его не замечают или протыкают, другие могут воспользоваться на каких-нибудь 50 процентов, третьи хватаются за него как за единственный шанс и взлетают, как на качелях. Поэтому будущее молодых невозможно сейчас предвидеть. Могут только сказать, кто талантлив, кто не талантлив.
— Среднестатистическому российскому читателю вашей последней книги «Бегущая строка памяти» не хватает в ней тепла, что ли, сентиментальности... Слишком много жестких оценок, характеристик, железного самоанализа и анализа.
— Зачем разрушать имидж?
— Стало быть, лепите образ?
— Зачем лепить? Это не я леплю. Просто уж так сложилось.
— Сейчас многие актеры пишут книги. Ваша последняя книга стоит в этом ряду. Как вы полагаете, актеры занимаются своим делом?
— Актеры всегда писали книги. В свое время мне очень нравилась книжка Марии Савиной. «Бегущая строка памяти» — моя пятая книжка. Поэтому я скорее «не в ряду стою». И потом, книга актера — это всегда отклик на заказ какого-нибудь издательства. Некоторые актерские книжки очень интересны: например, книжка Марлен Дитрих...
— Вы не собирались вступать в Союз писателей?
— Нет!

был». Я подсказала, он продолжал. В этой же сцене тяжелый занавес неожиданно зацепился за гроб, на котором я сижу, гроб сдвинулся, и я очутилась лицом к лицу с призраком отца Гамлета, которого я не должна видеть по спектаклю. Мы с Володей удачно обыграли эту «накладку». В антракте поговорили, что «накладку» хорошо бы закрепить, поговорили о пахом самочувствии и о том, что — слава Богу — отпуск скоро, можно отдохнуть. Володя был в мягком, добром состоянии, редком в последнее время».
— Вы интересуетесь политикой?
— Как обыватель. Иногда включаю новости. Но я в этом ничего не понимаю, хотя и учила политэкономии (а это все-таки философия развития общества). Я здесь скорее тоже придерживаюсь каких-то фатальных правил: мне кажется, что все развивается причинно-следственно — то есть одно вытекает из другого. Если, например, в нынешней политике сейчас искать какую-то причину, надо размахивать историей вопроса довольно-таки далеко — чуть ли не на три века назад. Говорить о нынешней политике без знания того, что происходило до, — это дилетантизм, обывательство.
— Многие ваши коллеги — служители Мельпомены, певцы, кинорежиссеры — сидят в Госдуме. Как вы думаете, они занимаются своим делом?
— Первые мои коллеги — по университету — действительно оказались в политике и общественной жизни на виду, сделали хорошие карьеры. Например, учившийся со мной в одной группе бывший мэр столицы Гавриил Попов. Или мой однокурсник Петрков. Коллеги по искусству, пошедшие в политику, конечно, занимаются не своим делом.
— Если бы вам какое-либо движение или партия предложили войти в избирательный список, согласились бы?
— Я бы в политику не пошла. Это абсолютно не мое дело. Более того, мне предлагали возглавить Фонд Демидовых — и то я отказалась. Это все — никейные жилеты.
— Но это не ваши Демидовы, это уральские!
— Они предлагают — они лучше знают!

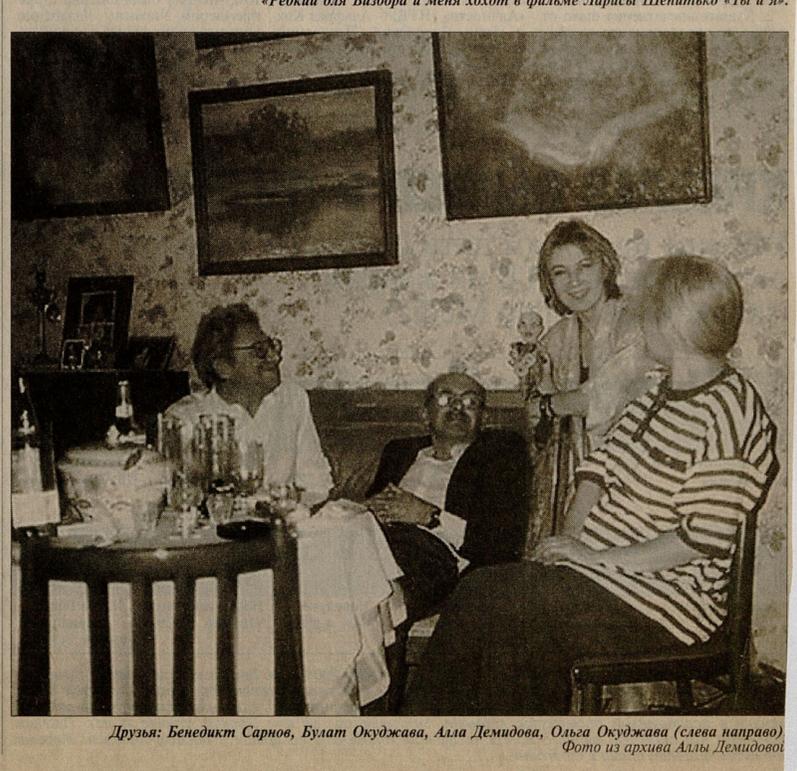
ние, юность, зрелость, умирание. Но, с другой стороны, театр — как театр с большой буквы! — это птица Феникс: умирает и опять через какое-то время возрождается. Пример тому — МХАТ, когда он возрождался при Немировиче-Данченко в сороковых годах...
— Какой бы вопрос Алла Демидова задала актрисе Алле Демидовой и как бы актриса Алла Демидова ответила на этот вопрос?
— Я бы не стала спрашивать ее, потому что в принципе ответов нет.
ИЗ ДНЕВНИКОВ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
«Костюм меня часто спасал и в театре, и в кино, и на концертах. Художнику по костюмам достаточно было не сопротивляться моей фантазии — ведь она шла изнутри, от роли — и профессионально осмыслить мои смутные желания... Иногда я брала какое-нибудь платье из «Большого Дома» (то есть от знаменитого кутюрье), как это было в «Рекавие», когда меня спас Ив Сен-Лоран. Когда я впервые читала «Поэму без героя» Ахматовой в «Новой опере», меня спас знаменитый японец. Для «Поэмы» я взяла черное софророванное платье от японского кутюрье Issey Miyake и его же софророванную золотую накидку. Костюмы для меня — как маски в древнегреческом театре. Это не только моя «визитная карточка» персонажа, это еще и кураж — вот, мол, как я придумала! В жизни — другое. В молодости мы с мужем жили очень бедно, но я все равно старалась одеваться элегантно. Я даже придумала себе стиль — чуть-чуть английский... Конечно, и сейчас возникает желание шокировать. Но — лишь хорошо знакомых людей. Однажды на свой день рождения удивила приятелей: прилетев из Токио, устроила японский ужин. А каждую перемену блюд появлялась в разных париках. Парик меня ужасно меняет, больше, чем костюм или грим. И вот я — то в черном каре, то с рыжей копной волос, то в белом парике а-ля Пугачева. Среди своих это весело, имеет какой-то смысл — в незнакомой компании выглядело бы дико. Кстати, париками я актеров разыгрывала. В «Борисе Годунове» Самозванец-Золотухин в сцене разоблачения Марины Мнишек раздевает меня в прямом смысле: срывает лисью шапку и парик. Как-то перед гастрольями в Испанию я поспиритовалась под машинку и никому не сказала, спрятала голову под платочек. Идет спектакль. Золотухин срывает с меня шапку, затем парик — а под ним у меня почти голый череп! На сцене все актеры — ах! Любимов в зале — ах! Золотухин мне потом говорит: «Я подумал, что это у тебя еще один парик — тоже хотел снять»...»

Редкий для Визбора и меня хохот в фильме Ларисы Шепитько «Ты и я».

«Я все детство провела в пионерских лагерях. Может быть, поэтому я так не люблю коллективы...»

Друзья: Бенедикт Сарнов, Булат Окуджава, Алла Демидова, Ольга Окуджава (слева направо) Фото из архива Аллы Демидовой